

Криминальная активность населения в период пандемии: предпосылки, ситуация и возможные риски

Т. В. Шипунова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Шипунова Т. В. Криминальная активность населения в период пандемии: предпосылки, ситуация и возможные риски // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14. Вып. 2. С. 143–154. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.203>

Пандемия коронавируса интенсифицировала все социальные процессы, которые можно было наблюдать уже в первое десятилетие нового века. Одним из таких процессов является преступность, выступающая не только показателем общественной безопасности, но и индикатором социального неблагополучия населения. Среди предпосылок криминализации общества автор выделяет: неуправляемость процесса профилактики распространения коронавируса; ухудшение положения населения; неудачная оптимизация здравоохранения в предшествующие пандемии годы; бесконтрольность деятельности политической и экономической элиты, распоряжающейся распределением социальных благ. Анализ криминальной активности российского населения показал, что ей свойственны общемировые тенденции в виде сокращения количества преступлений офлайн и их стремительный рост в информационно-коммуникационном пространстве; рост организованной преступности и т. д. Кроме того, к специфическим характеристикам преступности в России можно отнести: рост бандитизма и экстремизма; увеличение количества тяжких и особо тяжких преступлений; высокий уровень коррупции и экономической преступности. Особенно настораживает ущерб, причиненный «беловоротничковой» преступностью, в частности в сфере реализации нацпроектов. В качестве рисков преступной активности рассмотрены: некоторые правки в закон, позволяющий избежать обвинения в организованной преступности для бизнес-структур; ухудшение положения населения; несовершенство законодательства в отношении домашнего насилия; высокий уровень коррумпированности чиновников; быстрое развитие кибербуллинга, ведущего к росту агрессии и насилия среди несовершеннолетней молодежи. Все это выступает рисками воспроизводства не только актуальной, но и «отложенной» криминальной активности, которая может проявиться, когда пандемия пойдет на спад и жизнь в социуме примет более привычный характер.

Ключевые слова: криминальная активность населения, предпосылки преступности в период пандемии, преступность, виды преступлений, риски воспроизводства преступности.

Введение

Пандемия COVID-19 усилила кризисные процессы, развивающиеся в экономической, политической и социальной сферах современного общества, вызвав целую череду негативных социальных явлений [1, с. 146]. В статье мы остановимся лишь на одном из них — преступности, которая, подчиняясь собственным зако-

номерностям развития, чутко реагирует на социально-политические и экономические процессы, происходящие в обществе (см., например, [2; 3]). По прогнозам ученых, COVID-19 — это не последняя и не самая опасная пандемия, ожидающая человечество [4], поэтому рассмотрение тенденций преступной активности населения и (возможных) рисков ее дальнейшего развития может быть полезно с прогностической точки зрения, учитывающей как возможности криминализации определенных сфер жизнедеятельности общества, так и критические направления социального контроля, которые должны стать приоритетными при оперативной организации мер выхода из (потенциально возможного) пандемического коллапса. При рассмотрении характеристик преступности проанализирована официальная статистика, а также результаты исследований, представленные в научных статьях и публикациях СМИ.

Факторы, обусловившие криминогенную ситуацию в стране в период пандемии COVID-19

К факторам, повлиявшим на криминогенную ситуацию в обществе в период пандемии, относят: повышенный рост спроса на ряд товаров (защитное снаряжение и фармакологическую продукцию) с одновременным падением поставок; резкое снижение мобильности населения при закрытых границах; повсеместный переход на дистанционное выполнение профессиональных функций; сокращение оборота некоторых видов незаконных «товаров» (наркотических и психотропных веществ, оружия и боеприпасов, фальшивых денежных купюр и т.д.); цифровизацию обменных процессов (платежей, консультаций, переговоров и т.д.); рост тревожности населения; перемещение отдельных видов преступлений в информационно-коммуникационное и «домашнее» пространство; отвлечение сотрудников правоохранительных органов на контроль над соблюдением карантина [5, с. 19–20].

Конечно, данные факторы работали и в России, однако можно выделить дополнительный ряд предпосылок, которые не могли не отразиться на преступной активности населения. К ним, прежде всего, следует отнести следующие.

Принципиальная непредсказуемость рисков заражения (особенно в начале пандемии) и, как следствие, неуправляемость или слабая управляемость процессами профилактики распространения вируса. Реакцией власти стало введение штрафов для частных лиц и организаций за неисполнение требований по соблюдению карантинных мер. Сюда относятся нарушения только незараженных людей, для нарушителей с подтвержденным диагнозом COVID-19 при определенных обстоятельствах предусмотрена уголовная ответственность. На конец ноября 2020 г. в России было оштрафовано более 1,1 млн человек, а общая сумма штрафов составила не менее 1,7 млрд руб. [6]. Пострадали также организации в розничной торговле и общепите, гостиничном бизнесе и др. Эти меры вызвала неоднозначную реакцию общества. Результатом явились нарастание социальной напряженности, недовольства властью, фрустрация населения, возрастание «моральной» паники и стихийных протестов.

Положение населения. Численность бедных в 2020 г. составила 19,4 млн (13,2%) [7], доходы россиян упали на 3,5% [8], в связи с чем население было вынуждено сократить число покупок и экономить на питании. Если в ноябре 2019 г.

3,5 млн человек в возрасте 15 лет и старше (4,6 % рабочей силы) классифицировались как безработные [9, с. 113], то в середине 2020 г. их было уже 4,8 млн человек, то есть уровень безработицы составил 6,4 % (средний возраст безработных — 35,6 года) [10, с. 217].

Слабо развитая система защиты от вируса в силу реализации программы оптимизации здравоохранения в предшествующие пандемии годы (в России было оптимизировано, то есть ликвидировано, около половины лечебных учреждений [11]). Свою роль сыграла также невозможность быстрой реализации программы импортозамещения, особенно в фармацевтическом производстве.

Отсутствие механизмов общественного контроля над деятельностью политической и экономической элиты, распоряжающейся распределением социальных благ в самых важных сферах жизнеобеспечения населения посредством принятия законов и определения границ, направленности и интенсивности контроля над деятельностью различных социальных институтов и систем.

Перечисленные факторы так или иначе повлияли на криминальную активность российского населения, придав ей определенные тенденции и выявив риски дальнейшего воспроизводства в условиях относительной стабилизации пандемической ситуации в мире.

Криминальная активность российского населения: анализ ситуации и возможные риски

Несмотря на снижение общей активности населения в 2020 г., в России зафиксирован рост преступности на 1 % (всего совершено 2 044 221 преступлений) [12, с. 5]. По сравнению с предыдущим годом, повысилась активность лиц, ранее совершавших преступления: на них в 2020 г. приходится 59,8 % расследованных преступлений [13, с. 5]. Настороженность вызывает рост таких видов преступлений, как бандитизм, терроризм и экстремизм.

Бандитизм. Статистика по бандитизму достаточно скудная. Часто приводятся общие цифры, которые объединяют организованную преступность и бандитизм. Тем не менее в официальных сборниках МВД и Генпрокуратуры указывается, что в 2020 г. зарегистрирован 71 случай бандитизма, что на 39,2 % больше, чем в 2019 г. [13, с. 23] Трудно сказать, сколько из этих случаев дойдет до судебного расследования, еще труднее утверждать, что участники бандитских групп получают обвинение по ст. 209 УК РФ «Бандитизм». Сомнения вызваны тем, что «в 2019 г. каждый пятый (или 850 человек) был освобожден от обвинений в создании преступного сообщества и в бандитизме» [14].

Отдельно стоит сказать о преступлениях, в отношении которых действуют ст. 205 и 282 УК РФ. При совершении актов террористической или экстремистской направленности речь идет о деятельности организованных групп, подпадающих под характеристики банды. Большинство таких деяний связаны с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности с использованием сети Интернет [12, с. 8]. Данные МВД РФ свидетельствуют, что в 2020 г. было зарегистрировано 2342 преступления террористического характера (прирост по сравнению с 2019 г. составил 29,7 %) и 833 преступления экстремистской направленности (+42,4 %). Часть зарегистрированных преступлений террористического характера

была пресечена на стадии подготовки и покушения (71 случай, прирост 18,3%), а часть готовилась за пределами Российской Федерации (226 случаев, прирост 218,3%) [13, с. 5]. В числе других причин росту этих видов преступлений может служить неблагополучие населения в период пандемии и недовольство действиями власти. Непродуманные решения, ошибки в вопросах управления и распределения ресурсов, неправильно расставленные приоритеты могут привести к эскалации насилия (иногда — стихийного), которое может квалифицироваться в соответствии с правовыми нормами как терроризм и/или экстремизм.

Организованная преступность (ОП). Ее рост связан с разного рода ограничениями, которые, с одной стороны, сокращают, например, миграцию и контрабандный бизнес в краткосрочной перспективе, но с другой стороны, в среднесрочной перспективе, могут привести к росту контрабанды, поскольку мелким контрабандистам-мигрантам под давлением возросшего контроля придется искать прикрытия у организованных преступных группировок (ОПГ). Кроме того, ОПГ предоставляют услуги, связанные с перемещением мигрантов из страны в страну. Проблемы преступной активности незаконных мигрантов в разных странах свидетельствуют о том, насколько взрывоопасной может стать криминогенная обстановка в отдельных странах и в целом в мире.

В 2020 г. в России была пресечена деятельность 200 ОПГ, доказана причастность криминальных структур к совершению почти 18 тыс. противоправных посягательств. ОПГ в прошлом году было совершено 17 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений, что на 8,6 % больше, чем в 2019 г. [13, с. 6]. Поправки в УК РФ в 2019 г. и введение в него ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии» помогли привлечь к ответственности 45 криминальных авторитетов. Всего «пресечена деятельность около 10 тысяч лидеров и активных участников организованных преступных групп» [15]. Очевидно, что такое нововведение требует дополнительного анализа как самого акта, так и его последствий.

Несмотря на большую угрозу для общества, российские суды все чаще стали выносить оправдательные приговоры в отношении участников ОПГ. Так, в 2019 г. в ходе рассмотрения 696 дел по ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества» было вынесено 32,0 % оправдательных приговоров. В начале 2020 г. Госдума приняла поправки в УК, «которые выводят из-под статьи о преступном сообществе бизнес-структуры, изначально не созданные для незаконной деятельности» [14]. Данная поправка позволяет вывести из числа обвиняемых лиц (топ-менеджеров), которые действовали по сговору, но не представляют собой сплоченную банду. При этом нет четких критериев для определения «достаточной преступной сплоченности».

Преступления против собственности. В периоды потрясений происходит активизация индивидов и групп, умеющих воспользоваться сложной социальной ситуацией для собственного обогащения (например, в сфере поставки и продажи средств защиты, лекарств, продуктов питания и т. д.). Всегда, когда понижается уровень благосостояния населения, особенно на фоне обогащения части общества, наибольшую долю в общей структуре преступности составляют деяния против собственности. В 2020 г. на них приходилось больше половины преступлений (55,3 %). Число некоторых способов хищений уменьшилось (краж — на 3,0 %, грабежей — на 16,2 % и разбоя на 21,7 %), а других возросло (на 30,5 % — количество мошеннических преступлений) [13, с. 3].

Свою лепту внесло освоение преступным миром информационных и телекоммуникационных технологий. Путем обмана или злоупотребления доверием было совершено около 70,0% всех хищений (237,1 тыс., прирост составил 73,4%) [12, с. 3]. В большинстве случаев использован интернет, мобильная связь и пластиковые карты [12, с. 6]. Уже к маю 2020 г., по подсчетам экспертов, в России было создано более 10 тыс. фейковых ресурсов, связанных с темой пандемии и возможностями лечения заболевания, целью которой было незаконное завладение денежными средствами. Не последнюю роль в развитии и успешной деятельности этих сайтов сыграла неблагоприятная обстановка в системе здравоохранения (нехватка поликлиник, врачей, медсестер, диагностических лабораторий, которые были оптимизированы в предыдущие годы). Постоянно развиваются сайты, предоставляющие киберсекс, и онлайн-казино [16].

Власти предпринимают некоторые шаги по изменению ситуации с бедностью и разрывом в доходах, отмечается даже снижение числа бедных в первом квартале 2021 г. Однако давление социальных факторов остается значительным. Так, эксперты прогнозируют к лету рост цен на группы продовольственных и непродовольственных товаров для населения на 10–30% [17], что, безусловно, скажется на числе преступлений экономической направленности. Уже сейчас сообщается, что в России в январе — феврале текущего года число преступлений против собственности выросло на 1,0%, а количество преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий увеличилось на 33,7% [18]. За два первых месяца года ущерб от преступности в целом составил 90,4 млрд руб., что на 71% больше, чем за аналогичный период 2020 г. [19].

Тяжкие преступления. Во время пандемии вырос удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений. Прирост составил 14,0% (всего 563,2 тыс.) [12, с. 5]. Количество тяжких и особо тяжких преступлений с использованием информационных технологий выросло на 87,5% и составило 267,6 тыс. преступлений, большая часть которых связана с кражей и мошенничеством. Помимо этого, в информационном пространстве возросло число преступлений, связанных с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотических средств (рост на 90,7%) [13, с. 4].

В большинстве регионов страны отмечается ежегодное сокращение числа зарегистрированных убийств. В целом совершено 256,5 тыс. преступлений против личности. Они включают: истязания, побои, умышленное причинение легкого вреда здоровью, угрозы убийства или причинения тяжкого вреда здоровью. Эти преступления составляют более 40% от всего массива преступности и по каждому виду в 2020 г. наблюдался спад [12, с. 7].

Вместе с тем отмечается, что ежегодно увеличивается число преступлений по ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», которая предусматривает нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших более тяжких последствий. В 2020 г. их массив увеличился на 13,9% и составил 4,3 тыс. [12, с. 7]. Эти данные включают в себя в том числе зарегистрированные случаи домашнего насилия, которое значительно возросло в условиях пандемии. Если бы не произошла декриминализация насилия в семье за счет изменения ст. 116 УК РФ путем исключения «побоев в отношении близких лиц», то число преступлений против личности в 2020 г. было бы гораздо выше. По сведениям некоммерче-

ских организаций, работающих с жертвами домашнего насилия, с начала введения в стране ограничений в два раза возросло число обращений за помощью. Только в рамках одного проекта в апреле прошлого года было зарегистрировано 1,3 тыс. обращений и 2 тыс. в мае при обычном среднем их количестве в 500–700 в месяц [20, с. 164]. Поскольку прогнозы ученых по поводу рисков возникновения новых пандемий достаточно пессимистичны, можно предположить, что (возможные) новые карантинные меры и, соответственно, ограничения территории жизнедеятельности рамками своего дома/квартиры могут повысить градус напряженности в отношениях между членами семьи и привести к росту насилия.

Экономическая преступность. Экономическая преступность в 2020 г. дала незначительный прирост в 0,5%, а количество преступлений составило 105,5 тыс. Как сообщает Генеральная прокуратура, их удельный вес в структуре преступности стабилен последние 3 года — 5,2%. При этом каждое четвертое преступление совершено в крупном и особо крупном размере. Материальный ущерб от «преступлений обозначенной категории на этапе предварительного расследования оценен в 339,5 млрд руб.» [12, с. 8].

Настораживают сведения о выявленных и зарегистрированных преступлениях, связанных с реализацией социально значимых национальных и федеральных проектов (программ), в которых экономическая составляющая является главной. Приведем некоторые основные данные по проектам и программам с учетом убывания количества преступлений [12, с. 29]:

- демография — 326;
- жилье и городская среда — 159;
- образование — 143;
- здравоохранение — 95;
- безопасность и качество автомобильных дорог — 68;
- поддержка малого и среднего предпринимательства и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы — 44.

Как видим, экономическая преступность охватывает самые важные для выживания населения сферы. Например, наиболее уязвимый с точки зрения возможностей для совершения преступлений национальный проект «Демография» включает в себя пять федеральных проектов: «Финансовая поддержка семей с детьми», «Содействие занятости», «Старшее поколение», «Спорт — норма жизни» и «Укрепление общественного здоровья». На реализацию данного проекта в 2020 г. государство выделило больше средств, чем на все другие, — более 738,5 млрд руб. [21]. Однако поставленные задачи так и не удалось решить. Увеличения рождаемости (самый важный показатель действенности проекта) не произошло. То же можно сказать о здоровье и продолжительности жизни населения. Если учитывать высокую степень криминальной активности в сфере реализации национальных проектов, то можно предположить, что достичь поставленных целей будет непросто, если, конечно, не произойдет чего-то, что кардинально изменит ситуацию. Вряд ли в таком случае поможет и увеличение финансирования, к которому призывают эксперты [22] и которое планируется произвести.

К экономической преступности относится также коррупция. Из отчета Генпрокуратуры о состоянии преступности на 2020 г. следует, что в последние три года

в стране число таких преступлений колеблется от 30,5 до 31 тыс. (в 2020 г. — 30 813). При этом на взяточничество приходится 14,5 тыс. дел (по сравнению с 2019 г. прирост 4,9%), 5,6 тыс. — на случаи мелкого взяточничества (–2,5%) [12, с. 8]. Размер причиненного материального ущерба от данных преступных деяний в 2020 г. составил 58 364 109 тыс. руб. [12, с. 27], или примерно 58,4 млрд руб.

Коррупция предполагает злоупотребление служебным положением, дачу и получение взятки должностным лицом в целях получения выгоды¹. Речь всегда идет о злоупотреблении властью и/или нецелевом расходовании ресурсов для получения собственной выгоды. Сухая статистика не показывает статуса лиц, совершивших коррупционные деяния. Вместе с тем стоит отметить, что в 2020 и наступившем 2021 г. в СМИ периодически стали появляться сообщения о задержании высокопоставленных чиновников и обвинении их в коррупции, а также в других деяниях (мошенничество, вымогательство и т. д.). Более того, генеральный прокурор РФ И. Краснов в интервью «Российской газете» сообщил, что в 2020 г. лишлись должности в связи с утратой доверия более 350 российских чиновников, среди которых были руководители высокого уровня (министры и зам. министра, глава республики и т. д.). Только за последние полтора года (с середины 2019 по декабрь 2020 г.) «прокурорами в целях взыскания ущерба от коррупции в рамках уголовного, гражданского и арбитражного судопроизводства предъявлено более 2,7 тыс. исковых заявлений на общую сумму свыше 35 млрд рублей. Однако лишь треть этой суммы поступила в бюджет — 9,4 млрд рублей» [23, с. 3]. В рамках гражданского и арбитражного судопроизводства по состоянию на октябрь 2020 г. предъявлено исков на сумму более 6,6 млрд рублей [24] (за аналогичный период 2019 г. — 2,8 млрд рублей).

Современная ситуация напоминает историю с судами чести в ЦК ВКП(б), которые были созданы сразу после войны (1946–1947 гг.). Уже тогда экономическая преступность в подлинном смысле этого слова «во многом была прерогативой высокостатусных групп населения, допущенных в силу своего служебного положения к распределению материальных ценностей», и она была широко распространена в высших эшелонах власти, имевших доступ к распределению товарно-материальных ценностей [25, с. 151–152]. Высшая государственная элита страны пыталась удержать партийную номенклатуру от соблазна обогатиться за счет спекуляции товарами (преимущественно продуктовыми), которые были дефицитом в голодное послевоенное время. Сейчас ситуация во многом схожая: преступные деяния совершают государственные чиновники; критерий преследования — неоправданное доверие; цель — сохранить подконтрольным аппарат чиновников и решить проблему разбазаривания казны; недостаточная общественная огласка причин отстранения от занимаемых высоких должностей.

К сожалению, пока нет данных о размере материального ущерба от преступности в 2020 г. в целом. Однако если ориентироваться на материальный ущерб в предыдущие годы (2018 г. — 563,1 млрд руб. [26]), 2019 г. — более 620 млрд руб. [27]), то можно увидеть, что ущерб от экономических преступлений на этапе предварительного расследования и ущерб от зарегистрированных коррупционных деяний (общая сумма — 397,9 млрд руб.) может составить более половины всего ущерба от

¹ Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ.

преступности. Эта характеристика, наряду с прочими, демонстрирует вклад разных групп населения в криминализацию общества в период пандемии (в его экономическом выражении).

Преступность несовершеннолетних. По статистике она снижается уже на протяжении ряда лет. Только с 2015 г. ее доля сократилась на 39% (с 61,8 тыс. до 37,8 тыс.). В 2020 г. зарегистрировано 1554 случая вовлечения несовершеннолетне-го в совершение преступления или антиобщественных действий (-3,8%) [13, с. 9].

В начале 2021 г. в целом по России продолжился спад количества преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии. Вместе с тем пока нет опубликованных данных о вкладе несовершеннолетних в массив тяжких преступлений, который постоянно рос на протяжении нескольких лет. Возможно, широкое распространение полицейского контроля над местами скопления подростков будет и дальше сдерживать рост преступности данной группы молодежи. Такое вынужденное ограничение активности вкупе со смешанными или полностью дистанционными формами обучения и большего контроля родителей создает альтернативу для выплеска агрессии в интернете. В частности, речь идет о кибербуллинге, распространенность которого становится тревожным фактом. По данным Института образования ВШЭ, в 2019 г. с травлей сталкиваются примерно 27,5% российских школьников [28, с. 5]. Сервис мониторинга и анализа социальных медиа «Крибрум» в мае 2020 г. сообщал о 3 494 500 российских подростках, подвергшихся кибербуллингу. Причем в половине случаев в травле принимали участие одноклассники жертвы [29]. Имеются данные, что с буллингом в школе «сталкивается каждый третий ребенок. Каждый десятый — молчит о своей проблеме» [30].

У этого сценария может быть продолжение в виде выплеска накопленной агрессии и совершения актов насилия после установления обычного режима жизни, что приведет к росту преступности несовершеннолетних, в том числе к совершению преступлений средней тяжести и тяжких преступлений. Кроме того, хорошая способность, по сравнению с более взрослыми людьми, к освоению новых технологий и навыки работы с гаджетами могут трансформироваться в правонарушения в информационно-коммуникационном пространстве. Иначе говоря, на данный момент образовались отложенные риски криминализации молодого поколения в определенных социальных условиях.

Заключение

Пандемия самым непосредственным образом повлияла на криминальную активность населения страны. Закрытие границ, введение локдаунов в период первой волны коронавируса и, как следствие, понижение активности населения уменьшили число насильственных преступлений, краж, хищений имущества, совершаемых традиционными способами. Однако некоторый спад преступности, особенно уличной, не может быть утешением. Год пандемии не только дал прирост, но и повлиял на изменение долей разных видов преступности в ее структуре, увеличив число таких видов, как экстремизм, организованная и экономическая преступность. Получила широкое развитие криминальная активность в сфере информационных технологий, появились новые ниши для преступной деятельности, связанной со здра-

воохранением (контрафактные лекарства, аппараты ИВЛ, тесты, вакцина, средства защиты и т. д.) [16]. В целом, учитывая рост домашнего насилия, можно говорить о повышении уровня агрессии в социуме и опасном потенциале «отложенной» преступности, особенно в молодежной среде. Все это свидетельствует о существенной трансформации как самого феномена преступности, так и рисков ее дальнейшего воспроизводства.

В сложившейся ситуации для снижения преступной активности населения одним из первых шагов в обеспечении общественной безопасности должно стать повышение уровня жизни населения. Он может стать существенным барьером на пути воспроизводства преступности, особенно корыстной направленности. При этом одним из важнейших направлений работы должна стать реальная борьба с коррупцией и экономической преступностью чиновников. Еще одним направлением, могущим обеспечить понижение уровня преступности не только в ближайшей, но и более отдаленной перспективе, безусловно, является поддержка молодого поколения. В какой-то мере этому может помочь отредактированная в марте 2021 г. «Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [31]. Насколько меры, предпринимаемые (или декларируемые) правительством, будут действенными, можно будет узнать по итоговым отчетам о преступной активности населения за текущий год.

Литература

1. Бодрунов С. Д. Мировые кризисы XXI века обнажают противоречия современной социально-экономической модели // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 146–157. <https://doi.org/10.31857/S013216250009808-1>
2. Майоров А. В., Великий А. А. Оттенок пандемии (COVID-19) в криминализации российского общества // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 1 (28). С. 79–84.
3. Преступность и инфекция. Воздействие пандемии на организованную преступность (Аналитическая записка — март 2020). URL: www.globalinitiative.net (дата обращения: 20.02.2021).
4. Глава ВОЗ предупредил о «не последней» для человечества пандемии. URL: <https://www.rbc.ru/society/27/12/2020/5fe796a49a79475cd7d6fb72> (дата обращения: 20.05.2021).
5. Давыдов В. О. Спекуляция пандемией: как преступники используют кризис COVID-19 // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 2. С. 19–25.
6. Более 1,1 млн россиян оштрафовали за нарушения ограничений по COVID-19. URL: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2020/5fc1e2579a794715d3bb8187> (дата обращения: 06.10.2020).
7. Росстат: число бедных россиян выросло во втором квартале 2020 года до 19,9 млн. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9498117> (дата обращения: 08.04.2021).
8. Песков Д. Кремль заявил, что ситуация с уровнем жизни в РФ остается напряженной. URL: <https://www.interfax.ru/russia/750629> (дата обращения: 12.02.2021).
9. Информация о социально-экономическом положении России (январь — ноябрь 2019 года). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 20.11.2020).
10. Социально-экономическое положение России (январь — август 2020 года). URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 20.03.2021).
11. 353 больницы закрываются в России каждый год. URL: <https://zona.media/number/2017/08/04/1913> (дата обращения: 06.10.2017).
12. Состояние преступности в России за январь — июнь 2020 года. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_6_2020.pdf (дата обращения: 10.04.2021).
13. Состояние преступности в России за январь — декабрь 2020 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 10.04.2021).
14. Линделл Д., Алехина М. В России за год оправдали треть обвиняемых в организованной преступности. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/06/2020/5ed4d7099a79473ae5758b88> (дата обращения: 06.10.2020).

15. В России привлекли к ответственности 45 криминальных авторитетов за год. URL: <https://ria.ru/20210303/avtoritety-1599752879.html> (дата обращения: 03.03.2021).
16. Кондратьева И. Как пандемия влияет на преступность. URL: <https://pravo.ru/story/220476/> (дата обращения: 06.10.2020).
17. Ополовинить кошельки. Что и почему может подорожать к лету. URL: <https://1prime.ru/society/20210422/833514485.html> (дата обращения: 26.04.2021).
18. МВД России публикует информацию о состоянии преступности в первом квартале 2021 года. URL: <https://мвд.рф/news/item/23917328> (дата обращения: 26.04.2021).
19. МВД: ущерб от преступлений вырос на 71% в январе и феврале. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4740246> (дата обращения: 26.04.2021).
20. Акуленко В. А. Преступность, обусловленная домашним насилием, в период эпидемии коронавируса // Государственная служба и кадры. 2020. № 4. С. 163–166. <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2020-10217>
21. Манукиян Е. Медицина соблюдает график: два ключевых для граждан нацпроекта — «Здравоохранение» и «Демография» — по-разному перенесли пандемию. URL: <https://rg.ru/2020/06/22/biudzhethnye-dengi-pomogut-bystree-preodolet-posledstviia-pandemii.html> (дата обращения: 10.04.2021).
22. Соловьева О. Нацпроект «Демография» поставил рекорд неэффективности. URL: https://ng.ru/turbopages.org/ng.ru/s/economics/2021-03-24/1_8110_demography.html (дата обращения: 19.04.2021).
23. Егоров И. Неприкасаемых не будет // Российская газета. 2020. № 277 (8331). С. 5.
24. Ущерб от коррупции по уголовным делам в 2020 году превысил 45 млрд рублей. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/10202245> (дата обращения: 20.04.2021).
25. Богданов С. В., Остапюк В. Г. Послевоенное советское общество: власть, население, экономическая преступность // Научные ведомости. Сер. История. Политология. 2017. Вып. 42; № 8 (257). С. 147–156.
26. МВД подсчитало ущерб от совершенных в России в 2018 году преступлений. URL: <https://ria.ru/20190514/1553464195.html> (дата обращения: 25.04.2021).
27. В МВД назвали сумму ущерба от преступности в России за 2019 год. URL: <https://regnum.ru/news/society/2841277.html> (дата обращения: 25.04.2021).
28. Миронова К. Травля в натуральную величину // Коммерсантъ. 2019. № 20. С. 5.
29. Сахмеев В. Почти 3,5 миллиона подростков в России вовлечены в кибернасилие. URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20200502-pochti-35-milliona-podrostkov> (дата обращения: 10.04.2021).
30. Колесникова К. Каждый третий ребенок сталкивается со школьной травлей. URL: <https://rg.ru/2020/12/16/kazhdyj-tretij-rebenok-stalkivaetsia-so-shkolnoj-travlej.html> (дата обращения: 10.04.2021).
31. Об утверждении «Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года и плана мероприятий на 2021–2025 годы по ее реализации» (с изменениями на 18 марта 2021 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/420395219> (дата обращения: 25.05.2021).

Статья поступила в редакцию 10 мая 2021 г.;
рекомендована в печать 9 июня 2021 г.

Контактная информация:

Шипунова Татьяна Владимировна — д-р соц. наук, проф.; t.shipunova@spbu.ru

Criminal activity of the population during the pandemic: Preconditions, situation and possible risks

T. V. Shipunova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Shipunova T. V. Criminal activity of the population during the pandemic: Preconditions, situation and possible risks. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2021, vol. 14, issue 2, pp. 143–154. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2021.203> (In Russian)

The COVID-19 pandemic has significantly intensified all social processes and has given rise to a series of negative social phenomena. In the article, the author considers only one of them — crime. The author analyzes the features of the criminal activity of the Russian population during the pandemic. The following preconditions for the criminalization of the Russian population during the pandemic are noted: uncontrollability of the process to prevent the virus from spreading; deterioration of the situation of the population; unsuccessful optimization of healthcare in previous years; lack of control over the activities of the political and economic elite, which controls the distribution of social benefits. An analysis of the criminal activity of the Russian population showed that it is characterized by both global trends and some specific characteristics. These characteristics include: the growth of banditry, extremism and organized crime; an increase in the number of grave and especially grave crimes; high levels of corruption and economic crime. Particularly alarming is the damage caused by white-collar crime, in particular, in the implementation of national projects. The risks of criminal activity are also highlighted: legal practice in relation to organized crime of business structures; further deterioration of the situation of the population; imperfection of the law regarding domestic violence; high level of corruption among officials; the rapid development of cyberbullying, leading to an increase in aggression and violence among underage youth. All of them act as risks of propagating both actual and “delayed” criminal activity.

Keywords: criminal activity of the population, preconditions of crime during the pandemic, crime, types of crime, risks of propagating crime.

References

1. Bodrunov S.D. World crises of the 21st century reveal the contradictions of modern social and economic model. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2020, no. 10, pp. 146–157. <https://doi.org/10.31857/S013216250009808-1> (In Russian)
2. Maiorov A. V., Velikii A. A. Shade of Pandemic (COVID-19) in criminalization of Russian society. *Pravoporiadok: istoriia, teoriia, praktika*, 2021, no. 1 (28), pp. 79–84. (In Russian)
3. Crime and infection. The impact of a pandemic on organized crime (Analytical note — March 2020), available at: www.globalinitiative.net (accessed: 20.02.2021). (In Russian)
4. The head of the WHO warned of the “not the last” pandemic for humanity. *RBK*, available at: <https://www.rbc.ru/society/27/12/2020/5fe796a49a79475cd7d6fb72> (accessed: 20.05.2021). (In Russian)
5. Davydov V.O. Pandemic speculation: how criminals are exploiting the COVID-19 crisis. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki*, 2020, no. 2, pp. 19–25. (In Russian)
6. More than 1.1 million Russians have been fined for violating COVID-19 restrictions. *RBK*, available at: <https://www.rbc.ru/society/28/11/2020/5fc1e2579a794715d3bb8187> (accessed: 06.10.2020). (In Russian)
7. Rosstat: the number of poor Russians increased in the second quarter of 2020 to 19.9 million. *Tass*, available at: <https://tass.ru/ekonomika/9498117> (accessed: 08.04.2021). (In Russian)
8. Peskov D. The Kremlin said that the situation with the standard of living in the Russian Federation remains tense. *Informatsionnaia gruppya “Interfaks”*, available at: <https://www.interfax.ru/russia/750629> (accessed: 12.02.2021). (In Russian)
9. Information on the socio-economic situation in Russia (January — November 2019). *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki*, available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (accessed: 20.11.2020). (In Russian)
10. Socio-economic situation in Russia (January — August 2020). *Ofitsial'nyi sait Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki*, available at: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (accessed: 20.03.2021). (In Russian)
11. 353 hospitals close in Russia every year. *Mediazona*, available at: <https://zona.media/number/2017/08/04/1913> (accessed: 06.10.2017). (In Russian)
12. The state of crime in Russia in January — June 2020. *Ofitsial'nyi sait General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, available at: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_6_2020.pdf (accessed: 10.04.2021). (In Russian)
13. The state of crime in Russia in January — December 2020. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii*, available at: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (accessed: 10.04.2021). (In Russian)

14. Lindell D., Alekhina M. In Russia, a third of those accused of organized crime were acquitted within a year, available at: <https://www.rbc.ru/society/10/06/2020/5ed4d7099a79473ae5758b88> (accessed on 06.10.2020). (In Russian)
15. In Russia, 45 crime bosses were brought to justice in a year. RIA novosti, available at: <https://ria.ru/20210303/avtoritety-1599752879.html> (accessed: 03.03.2021). (In Russian)
16. Kondrat'eva I. How the pandemic affects crime. Pravo.RU, available at: <https://pravo.ru/story/220476/> (accessed: 06.10.2020). (In Russian)
17. Make wallets half empty. What and why may rise in price by the summer. *Agentstvo ekonomicheskoi informatsii "Praim"*, available at: <https://1prime.ru/society/20210422/833514485.html> (accessed: 26.04.2021). (In Russian)
18. The Ministry of Internal Affairs of Russia publishes information on the state of crime in the first quarter of 2021. *Ofitsialnyi sait Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii*, available at: <https://мвд.рф/news/item/23917328> (accessed: 26.04.2021). (In Russian)
19. Interior Ministry: Crime damage increased by 71 % in January and February. *Kommersant*, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4740246> (accessed: 26.04.2021). (In Russian)
20. Akulenko V. A. Domestic violence crime during the coronavirus epidemic. *Gosudarstvennaia sluzhba i kadry*, 2020, no. 4, pp. 163–166. <https://doi.org/10.24411/2312-0444-2020-10217> (In Russian)
21. Manukiiian E. Medicine complies with the schedule: two of the most important for citizens of the National Project — “Health” and “Demography” were carried out in different ways in a pandemic, available at: <https://rg.ru/2020/06/22/biudzhethnye-dengi-pomogut-bystree-preodolet-posledstviia-pandemii.html> (accessed: 10.04.2021). (In Russian)
22. Solov'eva O. National project “Demography” has set a record of inefficiency. *Nezavisimaia gazeta*, available at: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/economics/2021-03-24/1_8110_demography.html (accessed: 19.04.2021). (In Russian)
23. Egorov I. There will be no untouchables. *Rossiiskaia gazeta*, 2020, no. 277 (8331), p. 5. (In Russian)
24. Damage from corruption in criminal cases in 2020 exceeded 45 billion rubles. TASS, available at: <https://tass.ru/proisshestviya/10202245> (accessed: 20.04.2021). (In Russian)
25. Bogdanov S. V., Ostapiuk V. G. Post-war Soviet society: power, population, economic crime. *Nauchnye vedomosti. Ser. Istoriiia. Politologiia*, 2017, vol. 42, no. 8 (257), pp. 147–156. (In Russian)
26. The Ministry of Internal Affairs has calculated the damage from crimes committed in Russia in 2018. RIA novosti, available at: <https://ria.ru/20190514/1553464195.html> (accessed: 25.04.2021). (In Russian)
27. The Ministry of Internal Affairs named the amount of damage from crime in Russia for 2019. *Informatsionnyi portal "Regnum"*, available at: <https://regnum.ru/news/society/2841277.html> (accessed: 25.04.2021). (In Russian)
28. Mironova K. Bullying full-size. *Kommersant*, 2019, no. 20, p. 5. (In Russian)
29. Sakhmееv V. Almost 3.5 million teenagers in Russia are involved in cyber violence. *Sobesednik.ru*, available at: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20200502-pochti-35-milliona-podrostkov> (accessed: 10.04.2021). (In Russian)
30. Kolesnikova K. Every third child face school bullying. *Rossiiskaia gazeta*, available at: <https://rg.ru/2020/12/16/kazhdyj-tretij-rebenok-stalkivaetsia-so-shkolnoj-travlej.html> (accessed: 10.04.2021). (In Russian)
31. On the approval of the “Concept for the development of a system for the prevention of neglect and juvenile delinquency for the period until 2025 and an action plan for 2021–2025 for its implementation” (amended on March 18, 2021), available at: <https://docs.cntd.ru/document/420395219> (accessed: 25.05.2021). (In Russian)

Received: May 10, 2021

Accepted: June 9, 2021

Author's information:

Tatyana V. Shipunova — Dr. Sci. in Sociology, Professor; t.shipunova@spbu.ru